

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ МОЛЕННЫЕ В ГУСЛИЦКОМ ЗАХОДЕ

С.С. Михайлов

В восточной части Подмосковья есть старообрядческий край, известный прежде на всю Россию, именуемый Гуслицами. На северо-западе Гуслиц находится небольшая местность, вошедшая в них уже после упразднения древней Гуслицкой волости, — Заход. Несмотря на свои, казалось бы, поздние гуслицкие корни, заходцы были гусянками до мозга костей, наиболее яркими носителями и хранителями гуслицких традиций и нравов. Известна даже поговорка: «Без Захода нет Гуслиц». Происхождение названия Заход до сих пор не выяснено. Более того, возникают определённые проблемы и с установлением границ этой местности. У исследователей, работавших в Гуслицах, не было задачи даже определить границы последних, тем более разбираться с какими-либо локальными территориями. Мне пришлось выяснять это у старожилов гуслицких деревень. Понятно, что в начале XXI в. многое уже безвозвратно потеряно. Но некоторые старики, к примеру, известный многим собирателям устной гуслицкой истории Н.С. Самошин из д. Анциферово, рассказали, что Заход начинался за Куровской, далее он тянулся в сторону Павлово Посада и Дрезны. Но, разумеется, не весь этот Заход вошёл к XIX столетию в Гуслицы. Гуслицкий Заход включал в себя только несколько населённых пунктов: Давыдово, Барскую, Ляхово, Елизарово, Гору, Костино. Иногда сюда также причисляют и Яковлевскую. Миссионерский журнал «Братское слово» в Заход записал всю территорию двух приходов — Селинского и Запонорского (1). Но деревни последнего, согласно другим сведениям, составляли отдельную местность, называвшуюся по своему центру Запонорьем. Запонорье также входило в Гуслицы (2). Так или иначе, но в большинстве источников, повествующих о Заходе, упоминаются именно 6 вышеперечисленных деревень.

Если в старой части Гуслиц ещё можно было кое-где встретить нестарообрядческое население, то в Заходе и соседнем Запонорье, по словам автора того же «Братского слова», едва ли в обоих приходах можно было найти десятка два дворов по новой вере. Заходцы в подавляющем большинстве придерживались старообрядчества неокружнического толка. Практически в каждой деревне существовали общественные хра-

мы-моленные, которые были спрятаны от постороннего глаза «на задах», позади крестьянских жилых построек, и внешне почти ничем не отличались от хозяйственных строений или обычных домов. После высочайшего объявления вероисповедных свобод в 1905–1906 гг., неокружники-«даниловцы», проживавшие в Заходе, не признали регистрацию общин и молились по-прежнему нелегально. Судя по всему, ситуация не изменилась и в советское время. В «Списке церквей и бывших монастырей Московской губернии» середины 1920-х годов, к примеру, отсутствуют все моленные рассматриваемого региона. Есть только Крестовоздвиженская церковь в д. Давыдово, но это храм по новой вере (3). В связи с этим история общин заходских деревень известна очень мало. Моленные изредка попадали в поле зрения духовных и светских властей и по ним появлялись дела, хранящиеся ныне в архивах. Нам бы хотелось, опираясь на обнаруженные в архивах сведения, кратко рассказать о моленных, находившихся прежде в селениях гуслицкого Захода.

Официального центра гуслицкого Захода не было. Но самой крупной и известной деревней здесь стало Давыдово. С середины XIX столетия селение быстро развивается в промышленном плане. Здесь появляются династии богатых фабрикантов: Гушины, Тереховы и др. В советское время Давыдово также развивалось. В деревне построен завод по производству сельхозтехники. Сейчас в Давыдове проживает около 14 тысяч человек, из которых не менее половины имеют местные старообрядческие корни.

Первое упоминание о старообрядческой моленной в д. Давыдово мы находим в «Ведомости о состоящих в Москве и её губернии старообрядческих и раскольнических часовнях и молельнях», составленной в 1826 г. Среди моленных в других селениях, устроенных «с давнего времени» и «самовольно», упоминается храм-моленная в состоящей в удельной Селинской волости д. Давыдовой (4). Когда она была построена, документ умалчивает. Также не известно, была ли моленная одна, или стояли, как в ряде деревень, летнее и зимнее здания. Можно только точно назвать посвящение моленной — Воздвижению Честного Креста Господня. На находившемся рядом с Давыдовой погосте Селна с первой половины XVII столетия известен Крестовоздвиженский храм. Повсеместно мы можем наблюдать следующую картину:

там, где существуют храмы с дониконовых времён, и церковь господствующего исповедания, и старообрядческая моленная имеют одно посвящение, как бы оспаривая друг у друга преемственность от престола древнего храма. По крайней мере, в Давыдово, у местных старообрядцев Крестовоздвижение было престольным праздником, и все известные моленные также посвящены ему.

К началу XX в. в Давыдово было 2 моленных — летняя и зимняя, они находились недалеко друг от друга, «на задах» крестьянских усадеб, по традиции подальше от глаз посторонних и начальства. В Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) сохранилось дело об утверждении чертежей на постройку молитвенного дома, судя по его расположению, зимнего, в Давыдово. Оно началось в 1914 г., когда в январе к московскому губернатору обратился уполномоченный от общества крестьян-старообрядцев д. Давыдово Фирс Саввич Терехов. Он просил дать разрешение на постройку молитвенного дома взамен прежнего, уничтоженного пожаром в 1912 г. Прошение было подкреплено выпиской из протокола общего схода давыдовских крестьян от 13 января 1914 г. Разрешение было получено только в 1916 г. До этого его не давали ввиду несоответствия расположения предполагаемой моленной общему генеральному плану выкопировки (5).

Селение Давыдово в начале XX в. было местом пребывания одного из известнейших деятелей старообрядцев, не приемлющих Окружного послания, епископа Даниила Богородского, который являлся одновременно и лидером одного из наиболее консервативных направлений неокружничества, получившего название по его имени — «даниловцев». Местные моленные, летняя и зимняя, играли роль кафедральных соборов. Даниил лично служил в моленных и даже исполнял все требы. Старообрядческий журнал «Церковь» в 1909 г. писал, что владыка Даниил не поддержал просьбу давыдовских прихожан, которые просили его рукоположить для треб священника. Владыка Даниил был также против устройства на храме глав и крестов, считая, что всё должно быть так, как молились предки-старообрядцы до объявления свобод 1905–1906 гг. (6). Поскольку ни сам владыка Даниил, ни его последователи не признавали регистрацию общин, то ни приход в Давыдово, ни приходы в других заходских селениях, где также жили даниловцы, не были зарегистрированы и ни одна местная моленная не была после 1906 г. перестроена в полноценный храм с куполами и колокольней.

После смерти владыки Даниила в Давыдово в местных старообрядческих храмах служил рукоположенный им священник Димитрий Аб-

рамов, уроженец д. Заволенье. Он же окормлял общины и всех остальных заходских храмов-моленных. Когда он был рукоположен в сан, не известно, но однозначно до смерти владыки в 1912 г. Проживал отец Димитрий в том же доме, что прежде и владыка Даниил. Дом это, сохранившийся в Давыдове до сих пор, получил в народе название «попов дом». Впоследствии в нём размещалась школа, которую также называли «попова школа». В настоящее время это обычный жилой дом.

В 1930 г. старообрядцы д. Давыдово лишились обеих моленных. В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) сохранилась часть переписки, в которой упоминается закрываемая старообрядческая моленная (тёплая) в д. Давыдово. После закрытия её постановлением Мособлисполкома от 26 января 1930 г. верующие старообрядцы попытались обжаловать решение областных властей во ВЦИКе, что официально можно было сделать в двухнедельный срок. В храме поначалу собирались открыть школу, но ввиду непригодности здания решили отдать его под клуб. Как и в большинстве подобных случаев, ВЦИК не поддержал просьбу давыдовских старообрядцев об оставлении им здания моленной и она была закрыта (7). Дело о старообрядческой моленной в Давыдово рассматривалось одновременно с делом о закрытии местного храма по новой вере, поэтому документы обоих в архивном деле перемешаны.

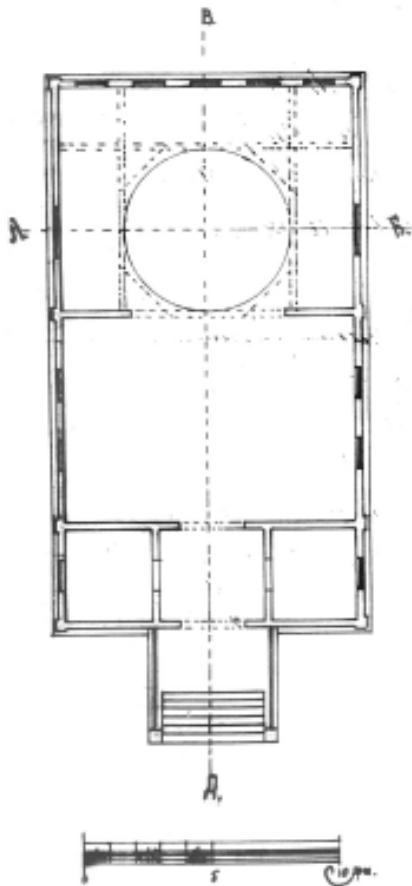
В летней моленной после закрытия был устроен птичник, а затем — ателье. В 1960-х годах, по словам местных жителей, здание сгорело. Согласно сведениям уполномоченного Совета по делам религиозных культов, среди закрытых старообрядческих молитвенных зданий по состоянию на 1 июля 1945 г., в Давыдово значится здание моленной, занятое зернохранилищем (8). Жители деревни про зернохранилище не рассказывали. Здесь может быть чиновничья путаница, которая имела место постоянно. Зимняя моленная была после закрытия отдана под крольчатник школьникам, которые разводили здесь этих животных в 1931–1934 гг. Клуб здесь так и не устроили. Потом здание зимнего храма, как и летнего, сгорело и его остатки были разобраны. Мне удалось узнать, что часть имущества обеих давыдовских моленных была сохранена прихожанами, а затем передана в храм Павловского Посада (Корнево), но в 1992 г. сгорела вместе с самим храмом.

Вскоре после закрытия давыдовских моленных был арестован и о. Димитрий. Но в лагерях он пробыл недолго, его освободили раньше из-за больных ног. Он вернулся в Давыдово, но прописывать его отказывались. Отец Димитрий смог прописаться только в Данилове Павлово-Посадского района. Вскоре одна из

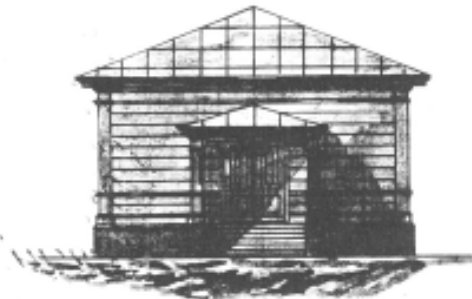
ПРОЕКТЪ.

НА ПОСТРОЙКУ ДЕРЕВЯННАГО СТАРОБРЯДЧЕСКАГО МОЛИТВЕННАГО ДОМА ВЪ СЕЛЬЦІЪ ДАВЫДОВІЪ МОСКОВСКОЙ ГУБ. БОГОРОДИН

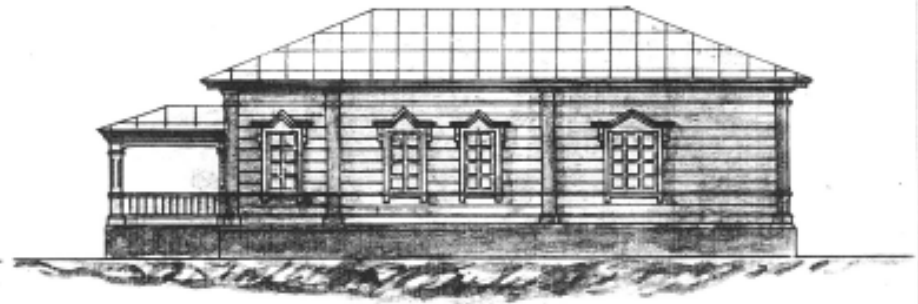
ПЛАНЪ.

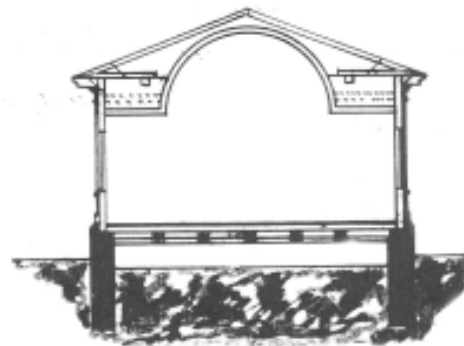
ФЯТЯДЪ.

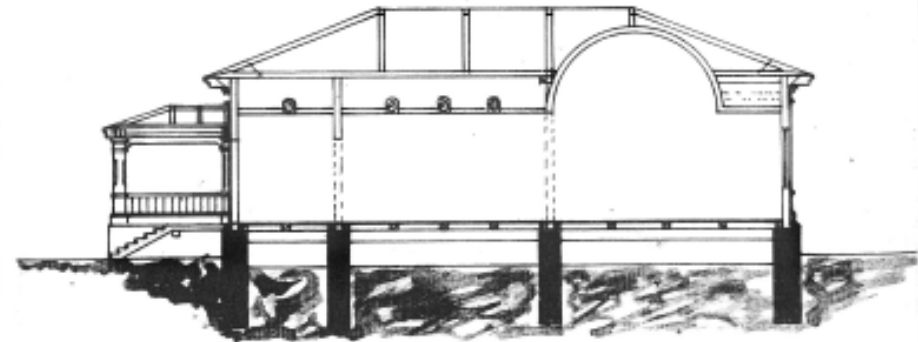
Боковой ФЯТЯДЪ.

рѣзъ по линіи А. Б.

рѣзъ по линіи В. Д.

Проект моленной в д. Давыдово. 1913 г. (ЦИАМ. Ф.54. Оп.168. Д.49. Л.17)

1913 г.
И.В. Германовъ

прихожанок помогла ему прописаться в с. Запонорье. И в Данилове, и в Запонорье он продолжал совершать требы для прихожан. Умер он зимой 1947 г. Насколько известно из переписки уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Москве и области Бесшапошникова, о. Димитрий активно окормлял прихожан-неокружников по трём районам — Куровскому, Орехово-Зуевскому и Павлово-Посадскому. Судя по этой же переписке, вернуться из мест заключения он мог не ранее 1946 г., так как, когда неокружники с. Запонорья в 1945 г. попытались впервые подать документы на регистрацию общины, их не стали регистрировать по причине отсутствия священника. Во второй раз ими был указан о. Димитрий Абрамов, но он вскоре умер, и документы опять вернули ни с чем (9). Хотя в документах уполномоченного не указывается, из каких селений помимо За-

зданий. Среди нескольких моленных была и ляховская. 19 мая 1858 г. старшим чиновником по особым поручениям гр. Зотовым было сделано описание состояния моленной. Это было бревенчатое здание, крытое тёсом, длиной 5 1/3 саж., шириной 4 5/6 саж., и высотой 2 1/3 саж. Зотов заключил, что здание «угрожает опасностью падения», но в то же самое время было указано в описании, что у моленной было 3 новых верхних венца, а также исправлены пол и потолок, следовательно, были проведены какие-то противоаварийные работы. В других документах этого дела говорится, что моленная в Ляхово была из прочного леса и могла простоять ещё долго. В апреле следующего 1859 г. ляховская моленная, вместе с моленными в Елизарово и Смолево, была опечатана по причине «незаконных» исправлений, сделанных прихожанами (11). Одновременно с губернаторской

Новый Крестовоздвиженский старообрядческий храм в д. Давыдово. 2002 г. Фото автора

понорья происходили члены предполагаемой общины, но можно думать, что среди них было немало жителей заходских деревень, в том числе и Давыдова.

В 1826 г. в «Ведомости о состоящих в Москве и её губернии старообрядческих и раскольнических часовнях», в состоящей в удельной Селинской волости д. Ляхово также упоминается устроенная самовольно «с давнего времени» старообрядческая моленная (10).

В 1857—1861 гг. Канцелярия московского губернатора рассматривала дело о старообрядческих моленных в некоторых деревнях Богородского уезда, которые пришли в ветхость и угрожали обвалом. Дело было заведено с целью выявления возможных случаев «незаконного исправления» старообрядцами своих молитвенных

канцелярией дело об опечатании моленных в 1859 г. рассматривала и Московская духовная консистория (12). Следующее дело о судьбе трёх моленных, включая и ляховскую, датировано 1859—1860 гг. Дело посвящено рассмотрению предметов, находившихся в моленных. В Ляхово их значится 68 наименований. Результатом дела была ликвидация моленной (13). Часть имущества моленной, равно как елизаровской и смолевской, разделивших её судьбу, поступила в Спасо-Гуслицкий монастырь, часть — в никонианские церкви Могилёвской епархии (14).

В ЦИАМ сохранилось дело «О противозаконных действиях раскольников, проживающих в приходе с. Селина Богородского уезда», рассматривавшееся Московской духовной консисторией в сентябре 1891—декабре 1892 гг. Оно

было открыто после одного из доносов селинского единоверческого священника Назария Пузина, который был одним из главных недоброжелателей старообрядцев. В деле есть информация о старообрядческих моленных селинского прихода, в том числе и стоявшей в д. Ляхово. Она, согласно документу, стояла «с очень давнего времени» на усадьбе местного крестьянина-старообрядца Дмитрия Иванова Щедрина (15).

В сведениях уполномоченного Совета по делам религиозных культов в 1945 г. в д. Ляхово Куровского района никакого здания старообрядческой моленной не указано (16). Но точно известно, что здание в это время существовало. В ГА РФ удалось найти карточку единовременного учёта закрытого культового здания

Однако это вовсе не значит, что её в это время там не было. Деревня Гора славилась в Гуслицах своей иконописной школой – лучшей в крае. В последующий период сведения о моленной селения Гора также отсутствуют, хотя из полевых материалов автора ясно, что она была. Иначе не могло и быть, так как деревня была практически полностью старообрядческой. По рассказам старожилов, собранных преподавателем гимназии д. Давыдово В.Ф. Кузнецовой, моленная в Горе, или как правильнее по-местному, «на Горе», сгорела в 1932–1933 гг.

В «Ведомости» 1826 г. моленная в крупной д. Елизарово не фигурирует, что вовсе не говорит об её отсутствии на самом деле. В конце 1842 г. в д. Елизарово властями были обнаружены 20 новых икон греческого письма, ко-

Крестовоздвиженский старообрядческий храм в д. Давыдово. 2004 г. Фото автора

в д. Ляхово Орехово-Зуевского района. Предположительно она была составлена в 1960-х годах. В ней упоминается деревянное здание моленной, закрытой в 1934 г., занятое зерноскладом 4-го отделения совхоза «Память Ильича», говорится, что моленную предполагалось использовать под «красный уголок» Давыдовского сельсовета (17). Вскоре здание моленной было ликвидировано.

В уже упоминавшемся документе 1826 г. в д. Гора, располагавшейся вблизи Давыдово и погоста Селна, не указано никакой моленной.

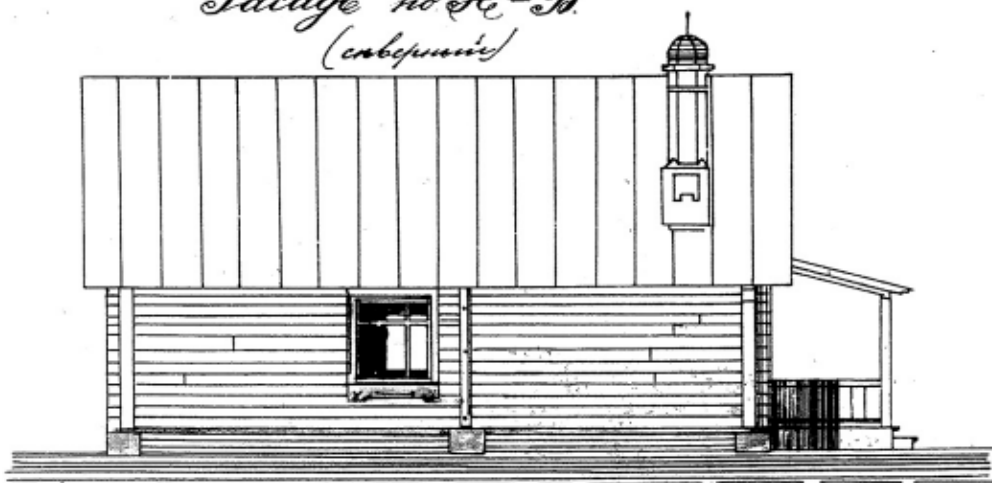
которые в январе следующего года были переданы в приходскую Крестовоздвиженскую церковь погоста Селна. Не исключено, что эти иконы имели какое-то отношение к елизаровской моленной (18). Моленная в Елизарово также стала одной из героинь дела канцелярии губернатора в 1857–1861 гг. и также ввиду того, что при осмотре в мае 1858 г. её гр. Зотовым было обнаружено 3 вставленных новых бревна и подпорки, а также заменённый порог. В результате моленная была в апреле 1859 г. опечатана. По описанию моленная представляла собой бре-

существующей маленкой

всего в 200, со показанием, предлагаемые варианты исправлений.

Краснод предположено по плану церкви
ремонтировать и исправить ириско-введенно
братоуправляе арабам Сидраменским
вместе с мш Московского губернского Кра-
вены по проходу от 16 ноября 1904.
л. 85. Наружная постройка
губернского Кравны, губернский инженер
Сидраменский, губернский архитектор А. Сеи-
денбург, архитектор Д. Павлов. М. Павлов

Пасажь по А-Ю.
(северный)

Предлагается:

1. Подвести кирпичные столбы под ступени.
2. Ветер вверху ступеней замаскировать, по верху украсить сабличками, а между обложить плитками.
3. Поставить голландскую печь.
4. Покрасить и украсить печь и порталы.
5. Изменить крышу.
6. Маленкую с крыльцом, покрывать окнами.
7. Увеличить два окна.

венчатое здание, крытое тёсом, длиной 5 саж., шириной $2 \frac{5}{6}$ и высотой $1 \frac{5}{6}$ саж. По мнению чиновника, здание также «угрожало опасностью падения» (19). В ноябре 1859—декабре 1860 г. консистория рассматривала дело о предметах, бывших в моленных, которые накануне были признаны «угрожающими падением», в том числе и 57 предметах из елизаровской моленной. Судя по обстоятельствам дела, храм был ликвидирован (20).

Оставшись без места общественного богомоления, елизаровские старообрядцы вскоре устроили новое. К сожалению, в архивных до-

ная и изнутри выглядела скромно: одна входная дверь, против которой была устроена полка для икон, вероятно, приносимых из домов в летнее время, так как, по тому же источнику, в зимнее время «каждый толк» проводил моления в одном из жилых домов, «кроме двенадцатых праздников, в кои моление бывает в оном сарае». Пристав, которому удалось застать сам момент богослужения, видел в моленной стол, покрытый парчой, «и за оным запрестольные иконы — две Божией Матери и Распятие и по стене расставлено много икон». Он также упоминает об обнаруженных им большом медном

Руины каменной моленной в д. Елизарово. 2002 г. Фото автора

кументах, как уже говорилось, содержится весьма отрывочная информация, но кроме неё до нашего времени не дошло почти ничего. В 1867 г. консисторией было начато дело о незаконно устроенной новой моленной в Елизарово. Когда она была устроена старообрядцами, неизвестно. Открыто её существование властями было так. 28 июня того года через Елизарово проезжал пристав 1-го стана Богородского уезда. Вблизи одного из сараев он заметил толпу собравшихся и, подойдя ближе, чтобы узнать причину «сборища», «усмотрел, что в сарае этом устроена раскольническая моленная». Сарай был сразу же опечатан со всем находившимся в нём имуществом, и к нему приставлен караул. Согласно описанию пристава, молен-

подсвечнике, аналое, кадиле и нескольких бутылках с «маслом деревенским». Сарай, согласно документам дела, стоял на земле крестьянина Григория Кирова и был устроен «без его ведома» крестьянином д. Давыдово Иваном Матвеевым Тереховым, который умер ещё до начала следствия. Понятно, что Григорий Киров как житель Елизарово не мог не знать о существовании в деревне моленной, тем более на его земле, но когда речь зашла о показаниях в полиции, он, по обычной традиции, старался завести следствие в тупик. Снова отмечалось, что зимой последователи «разных сект» обращают крестьянские избы в моленные. Здесь налицо обычная для чиновников ошибка. В Елизарово жили старообрядцы одного согласия, и ника-

ких «сект» здесь не было. К тому же, если бы местное старообрядческое население и делилось на группы разных согласий, то иметь один храм-моленную на всех они бы никак не могли. Имущество моленной после опечатания было конфисковано. Восемнадцать икон были отправлены в соседний миссионерский Спасо-Гуслицкий монастырь (21).

В уже упоминавшемся деле 1891–1892 г. по доносу о. Назария Пузина есть данные и о моленной в Елизарово. Она названа существующей «с давнего времени», деревянной, с осмиконечным крестом на крыше (22).

В 1903 г. Московская духовная консистория рассматривала дело по отношению Канцелярии московского губернатора об устройстве молитвенного старообрядческого дома в Елизарово. Из него видно, что уполномоченный от общества крестьян-старообрядцев д. Елизарово крестьянин Антроп Ширин подал прошение на имя губернатора с ходатайством о разрешении его доверителям построить в селении моленную. Губернатор, согласно существующим правилам, отношением за №5406 от 13 мая 1903 г. обратился в Московскую духовную консисторию, запрашивая её мнение на этот счёт. Консистория в свою очередь переадресовала дело на отзыв местному благочинному, настоятелю храма в с. Карпове священнику Михаилу Розанову. Благочинный 30 июня того же года «произвел осмотр местности», причём выяснилось, что в Елизарово уже стоит старообрядческая моленная «деревянная, крытая деревом, мерою 14 аршин длины и 10 арш. ширины, хотя и старая, но еще твердая». Поэтому им было сделано заключение, что «построить вновь другую моленную еще нужды не видится». Также было сказано, что в 1 версте от Елизарово имеется моленная в д. Ляхово и в полутора верстах — в Давыдово. В свете изложенного консистория сочла просьбу старообрядцев «не заслуживающей удовлетворения» (23). Но, как бывало сплошь и рядом, вердикты консисторских чиновников так и оставались на бумаге, а здания общественных моленных в деревнях продолжали существовать.

Следующее упоминание о моленной в Елизарово мы находим в деле Московского губернского правления за 1904–1905 г. Строительное отделение правления рассматривало вопрос о переделке в моленную здания, принадлежащего мещанину Григорию Ширину. Сотрудники Строительного отделения полагали, что речь идёт об обращении в моленную каменного здания, принадлежащего Ширину, но впоследствии выяснилось, после сообщения уездного исправника, что переделке, вернее поновлению, подлежит существующее здание моленной. После рассмотрения чертежей чиновники

отделения решили, что они могут быть допущены к воплощению в жизнь. Старообрядцы предполагали произвести следующие работы:

- 1) подвести кирпичные столбы под стены здания;
- 2) заменить ветхие венцы стен на новые, торцы здания обложить пилястрами;
- 3) в самой моленной установить голландскую печь;
- 4) перестелить и утеплить пол и потолок здания;
- 5) исправить крышу;
- 6) само здание и крыльцо покрыть железом;
- 7) увеличить два имеющиеся окна (24).

Упоминание о каменном здании для моленной, несмотря на имеющуюся в деле ошибку, представляет огромный интерес. Дело в том, что несмотря на то, что место прежней елизаровской моленной известно, а также известно и то, что она была деревянной, в Елизарово стоят кирпичные руины здания, которые местные жители упорно именуют остатками моленной. Не исключено, что елизаровские старообрядцы в начале XX в. имели два молитвенных здания. Но они, тем более ещё до объявления вероисповедных свобод 1905–1906 гг., не решились афишировать это, чтобы не иметь лишних неприятностей с властями. Каким-то образом информация о каменном здании могла просочиться и стать известной губернскому правлению, но по ряду причин, одной из которых могла быть и техническая непригодность его для молитвенных собраний, старообрядцы заявили, что всего лишь собираются переделать старую моленную.

В ночь на 22 октября 1912 г. моленная в Елизарово была ограблена неизвестными злоумышленниками. Были взломаны дверные замки, разграблены свечные ящики, церковные кружки. Также были похищены медные лампы, подсвечники, свечи (25). Одновременно была ограблена и моленная в Костине.

История елизаровской моленной в 1920–1930-х годах, а также точное время её закрытия не выяснены. Известно, что в ней молились до конца 1930-х годов. Здание стояло на задворках крестьянской усадьбы Балзетовых. По словам историка Гуслиц, почётного гражданина Орехово-Зуевского района, Устиньи Григорьевны Анреяновой, которая в 1950-х годах работала директором местного совхоза, в Елизарове, как и в ряде других деревень, молитвенные здания, занятые зернохранилищами, сохранялись в целости, из них не выбрасывали иконы и даже были целы лампы перед ними. Разорение моленных произошло уже позже.

В сведениях уполномоченного Совета по делам религиозных культов за 1945 г., в Елиза-

рове стояло здание моленной, которое было занято избой-читальней (26). Разрушено здание моленной было не ранее 1960-х годов. Остаётся загадкой каменное здание, руины которого до сих пор сохранились в деревне.

Также в 1826 г. нет упоминания о существовании старообрядческой моленной в д. Барская. Селение было чисто старообрядческим, и не быть в нём общественной моленной не могло. Барская более известна как родина знаменитого гуслицкого разбойника Василия Чуркина. Из полевых данных ясно, что по крайней мере в начале XX столетия моленная в Барской уже была. Интересное указание на существование моленной в Барской имеется в газете «Московский листок» за 1912 г. Статья посвящена ограблению храма 13 октября того же года. Неизвестные злоумышленники взломали окна, проникли внутрь, в результате чего моленная недосчиталась части утвари. Грабители также взломали свечной ящик, из которого ими были похищены свечи и деньги на сумму 61 рубль (27). Возможно, что именно те же лица ограбили в ночь на 22 октября моленные в Костино и Елизарово. По сведениям В.Ф. Кузнецовой, моленная в Барской сгорела в 1933 г.

В уже цитированной выше «Ведомости о состоящих в Москве и её губернии старообрядческих и раскольнических часовнях» третьей упомянутой в этом документе заходской моленной в 1826 г. значится стоящая «самовольно» и «с давнего времени» в д. Костино удельной Селинской волости (28).

В 1857–1861 гг. костинская моленная также попала в поле зрения властей из-за аварийного состояния. Однако, в отличие от находившихся в деревнях Ляхово и Елизарово, ей повезло. Осматривавший её в мае 1858 г. гр. Зотов не обнаружил на здании никаких исправлений и даже счёл, что «самое же строение существовать ещё может», хотя крыша весьма ветхая. Моленная также представляла собой бревенчатое крытое тёсом здание, размерами в длину 6 1/2 саж., в ширину 4 2/3 саж., а в высоту — 2 1/3 саж. (29).

В 1891–1892 гг., по дознанию, проведённому после доноса священника Крестовоздвиженского храма погоста Селна, было выяснено, что перед зданием моленной в Костино были сделаны святые ворота, «а новая колокольня ставилась против часовни» (30).

Священник единоверческого храма погоста Селна Назарий Пузин был человеком неугодным. Уже в 1892 г. от него последовал следующий донос в консисторию о «незаконном исправлении» костинской моленной и придании ей «вида православного храма». В июне он донёс своему непосредственному начальнику благочинному о. Михаилу Розанову, что «расколь-

ники» д. Костино, вопреки запрету, звонят в своей деревне в колокола. Почти одновременно с этим донесением поступило и другое, о том, что там же, в Костино, «возобновляется» моленная, «в которой вид устраивается, как в православной церкви». Пузин вздумал произвести осмотр моленной, для чего пригласил только что поступившего на службу урядника из Давыдово Николая Иванова, который, несмотря на данное слово, не явился, и старшину Степана Булкина, который «хотя и был, но от подписи отказался». Другие представители деревенской власти, которых Пузин хотел видеть при осмотре моленной, также не пожелали присутствовать. Неутомимый священник считал, что если моленная будет иметь вид храма, то это будет служить соблазну для православных и укреплению «раскола». В конце концов, Назарию Пузину удалось совместно с псаломщиком своей церкви осмотреть моленную в Костино. Была составлена опись: «Фундамент из кирпича видимо новый. Стены перебраны, со старым тесом. Крыша железная, новая. Обшивка снаружи и внутри новая (обшивки прежде не было). Окна у клиросов с железными рогатками, мерою 2 1/4 арш. вышины и 1 1/4 арш. ширины. Два просвета вверху примерно по 1 1/4 арш. кругом, с рогатками. Два окна в трапезной одинаковой меры с клиросными. Над входной дверью просвет с рогатками. Дверь мерою ширины 1 арш. 10 вершков и вышины 2 арш. 12 вер. Трапезная имела вышины 6 арш. Солея новая, в одну ступень. Купол в пролете внизу шириной 9 аршин и имеет форму как в православном храме. Высота с солей до купола 10 1/2 арш. Купол с солеей отделяются от трапезной 3 арками, средняя — в ширину 3 арш., боковые по 2 1/2 арш. Паперть построена на 8 кирпичных столбах, длиной 7 аршин. Шириной во всю поперечную стену часовни готовящаяся к обшивке кругом. Внутренность — вид православного храма, и снаружи походит на православную часовню».

Казалось бы, воинствующий враг старообрядцев и на этот раз должен был быть удовлетворённым: моленная имела вид православного храма, отремонтирована без разрешения — по закону она должна была быть опечатанной. Но дело приняло совершенно иной оборот. Отношением за №7768 Канцелярия московского губернатора уведомила консисторию, что «Его Императорским Величеством Московским Генерал-губернатором в предложенном от 5 февраля с.г. за №484 разрешено было раскольникам д. Костиной Богородского уезда произвести необходимые, указанные в прошении уполномоченного их, крестьянина Виноградова, исправления существующей в этой деревне и пришедшей в ветхость моленной, но с тем, чтобы общий на-

ружный вид её не был при этом изменён». Просимые исправления состояли:

- 1) в замене вверху двух сгнивших венцов новыми;
- 2) в исправлении в некоторых местах каменного фундамента;
- 3) в устройстве новой железной крыши;
- 4) в обшивке стен тёсом.

Благочинный о. Розанов после сделанного им осмотра моленной доносил в консисторию 2 ноября, что все дозволенные четыре пункта ремонта старообрядцы Костино выполнили, но ещё выкрасили стены масляной краской и вокруг моленной устроили невысокую решётчатую ограду. Снаружи моленная не была похожа на храм, а что она должна была представлять собой внутри, нигде не оговаривалось. Московской духовной консистории ничего не оставалось, как закрыть дело, оставив его «без последствий». В конце дела отмечалось, что моленная в Костине существовала до 1830 г., но по чьему разрешению была построена — неизвестно. Также было указано, что находится она в том же состоянии, «что и была построена, не считая поправок». Однако вовсе не обязательно, что в 1890-х годах в Костино стояла та же самая моленная, что и в 1826 г. Старообрядцы могли в тайне от властей выстроить и новое здание, что бывало довольно часто (31).

К описанию вида костинской моленной хотелось бы добавить следующее. Старожил соседней д. Анциферово, расположенной всего в 2 километрах от Костино, Н.С. Самошин, рассказал следующее. В Костино всегда было много стариков, так называемых «молящих», начётчиков. Когда кто-либо из них умирал, то существовал обычай: его палку-посох приносили в моленную и ставили у стены. По словам Самошина, таких палок в моленной по стенам было очень много.

В ночь на 22 октября 1912 г. старообрядческая моленная в Костино, как и моленная в Елизарово, была ограблена неизвестными. Характер разгрома был тот же, что и в Елизарово: взломаны замки, свечной ящик, кружки, похищены лампы, подсвечники. Из обеих моленных в общей сложности было похищено до 300 рублей (32).

История храма в Костино в первые десятилетия советской власти также является «белым пятном». Храм был закрыт, по словам местных жителей, «перед войной», но не ранее 1937 г. В 1945 г., по сведениям уполномоченного, здание моленной в д. Костино Куровского района было занято зернохранилищем (33). По рассказам старожилов, имущество моленной долгое время не трогали. Разорение храма произошло только в 1956 г., когда были выброшены и со-

жжены все находившиеся внутри иконы. Некоторые из них всё же удалось спасти. «Тайная вечеря» из костинской моленной находится ныне в иконостасе единоверческого храма в Куровском, куда его пожертвовали прихожане из деревни. После разгрома здание не использовалось, стояло пустым, быстро разрушаясь. В самом начале 1960-х годов оно было разрушено и рядом с этим местом был выстроен клуб, ныне также почти полностью разрушенный.

Когда по всем заходским деревням были закрыты старообрядческие храмы-моленные, то их прихожане продолжали собираться на моление по домам. Руководили богомолениями свои деревенские начётчики, которых в гуслицких селениях всегда было немало. После 1945 г. в Гуслицах разрешили открыть небольшое число староверческих храмов. Среди них была и церковь в д. Слободище. Верующие старообрядцы сразу стали ориентироваться на неё, обращаясь туда за требами. Многие ездили молиться в храм Павловского Посада (Корнево). Но общественные молитвенные собрания на дому по деревням всё равно не прекратились и продолжались до тех пор, пока постепенно не ушли из жизни последние начётчики.

В начале 2002 г. в Давыдово был освящён старообрядческий Крестовоздвиженский храм, который стали посещать верующие деревень Захода и окрестных населённых пунктов. При нём сразу же сложился многолюдный приход. Поскольку ни одно здание давыдовских моленных не сохранилось, а их места находятся ныне у частных владельцев, в церковь было перестроено небольшое одноэтажное здание, которое передали возрождённой общине местные власти. История этого храма только начинается.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Братское слово. 1888. №4. С.287.
2. Московский листок. 1883. №278. 8 октября.
3. Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ). Ф.1215. Оп.2. Д.201. Л.76–76об.
4. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф.16. Оп.109. Д.4. Л.155об.
5. Там же. Ф.54. Оп.168. Д.49. Л.1–11.
6. Церковь. 1909. №19. С.632–633.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.1235. Оп.66. Д.452. Л.128–129, 168, 171–173, 178.
8. ЦМАМ. Ф.3004. Оп.1. Д.4. Л.12.
9. Там же. Д.6. Л.24, 30; Д.3. Л.16; Д.11. Л.1.
10. ЦИАМ. Ф.16. Оп.109. Д.4. Л.155об.
11. Там же. Ф.17. Оп.13. Д.277. Л.1–37.

12. Там же. Ф.203. Оп.286. Д.24. Л.1–12.
13. ЦИАМ. Оп.289. Д.24. Л.1, 6–7, 18–19, 33 и др.
14. Там же. Л.63, 69.
15. Там же. Оп.382. Д.12. Л.6.
16. ЦМММ. Ф.3004. Оп.1. Д.4. Л.12.
17. ГА РФ. Ф.6991. Оп.2. Д.346. Л.59.
18. ЦИАМ. Ф.203. Оп.260. Д.30.
19. Там же. Оп.286. Д.24. Л.1–24; Ф.17. Оп.13. Д.277. Л.1–37.
20. Там же. Оп.289. Д.24. Л.1, 4–5, 14–17, 29 и др.
21. Там же. Оп.337. Д.2. Л.1–47; Ф.16. Оп.110. Д.1550. Л.1–2.
22. Там же. Оп.382. Д.12. Л.5об.
23. Там же. Оп.545. Д.20. Л.1–4.
24. Там же. Ф.54. Оп.158. Д.131. Л.10, 17, 29, 31.
25. Московский листок. 1912. №247. 27 октября.
26. ЦМММ. Ф.3004. Оп.1. Д.4. Л.12.
27. Московский листок. 1912. №245. 25 октября.
28. ЦИАМ. Ф.16. Оп.109. Д.4. Л.155об.
29. Там же. Ф.17. Оп.13. Д.277. Л.1–37.
30. Там же. Ф.203. Оп.382. Д.12. Л.4.
31. Там же. Оп.385. Д.20. Л.1–16.
32. Московский листок. 1912. №247. 27 октября.
33. ЦМММ. Ф.3004. Оп.1. Д.4. Л.12.

Сергей Сергеевич Михайлов родился в 1970 г. в Москве. В 1994 г. окончил вечернее отделение исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедру этнологии, и начал заниматься изучением истории старообрядчества Москвы и Московской губернии. С 1998 г. активно занимается исследованием истории и культуры самобытного старообрядческого региона на востоке Подмосковья – Гуслиц. Михайлов С.С. является активным участником научных конференций «Старообрядчество: история, культура, современность» (2000, 2002, 2005 гг.)